

УДК 902.2 (470.47)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПРОЖИВАНИЯ – ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ВОЛГО-МАНЫЧСКИХ СТЕПЯХ

Мария Александровна Очир-Горяева

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Российская Федерация

E-mail: mariaochir@gmail.com

А н н о т а ц и я

Актуальность изучения археологических памятников проживания – поселений эпохи бронзы в Волго-Манычских степях – заключается в том, что в отечественной науке данный пласт памятников практически не изучен, и исследования по ним опубликованы в малом количестве, в отличие от погребальных памятников – курганов. Тем не менее целенаправленный поиск поселений эпохи бронзы и раннего железного века на территории нашей страны велся и ведется многими археологами, в том числе и автором данного исследования. В ходе раскопок в Волго-Манычских степях обнаружены сотни мест проживания или стоянок. В настоящей статье мы продолжили развернутое изучение поселения, найденного в 1976 г. Е. В. Шнайдштейн на территории Республики Калмыкия, на берегу озера Заханта. Дополнительные исследования этого уникального археологического памятника, проведенные нами в 2002 г., показали, что там находятся два поселения срубной культуры. Материалы проведенного исследования позволили выявить общие и особенные черты поселений в эпоху бронзы в Приволжье как части степей от Карпат до Урала, определить тип хозяйств племен, населявших данную местность, дать более или менее ясное представление о протекавших на территории культурно-исторических процессах в рассматриваемый нами исторический период.

К л ю ч е в ы е с л о в а

Волго-Манычские степи, памятники проживания, эпоха бронзы, курганы, типы хозяйств, кочевники, скотоводство, стоянки, поселения.

UDC 902.2 (470.47)

ARCHAEOLOGICAL SITES OF RESIDENCE – BRONZE AGE SETTLEMENTS IN THE VOLGA-MANYCH STEPPES

Ochir-Goryaeva Maria A.

Dr. Sc. (History), Chief Researcher Associate,
Kalmyk Scientific Center of the RAS, Elista, Russian Federation
E-mail: mariaochir@gmail.com

Annotation

The relevance of the study of archaeological sites of residence – a Bronze Age settlement in the Volga-Manych steppes – lies in the fact that in Russian science the place of residence has not been studied and studies on them have been published in small quantities, in contrast to funerary monuments-barrows. The main reason for this “inattention” on the part of scientists lies in the small size of these settlements, which is why they are usually referred to as “seasonal camps of mobile cattle breeders” rather than permanent dwellings. Nevertheless, a targeted search for settlements of the Bronze and Early Iron Age on the territory of our country was conducted and is being carried out by many archaeologists, including the author of this study. During excavations in the Volga-Manych steppes, hundreds of places of residence or sites were discovered. One of them is a settlement found in 1976 by E.V. Schneidstein on the territory of the Republic of Kalmykia, on the shore of Lake Zakhanata. Additional studies of the archaeological site, conducted by us in 2002, showed that there are two settlements of the carcass culture. In this article, we continued a detailed study of this unique cultural monument located in the Kalmyk steppe. The materials of the study allowed us to identify the general and special features of settlements in the Bronze Age in the Volga region as part of the steppes from the Carpathians to the Urals, to determine the type of farms of the tribes inhabiting this area, contributed to the formation of a more or less clear idea of the cultural and historical processes taking place on the territory in the historical period.

Key words

Volga-Manych steppes, living monuments, the Bronze Age, barrows, types of farms, nomads, cattle breeding, parking, settlements

ВВЕДЕНИЕ

До недавнего времени культура населения бронзового века Волго-Манычских степей Приволжья изучалась только по материалам погребальных памятников-курганов. Материалы с мест проживания в степи из-за небольших размеров традиционно относились к «сезонным стоянкам подвижных скотоводов» и не были практически изучены и опубликованы. В российской археологии вследствие недостаточной изученности проблемы сложилась точка зрения о зарождении нomaдизма в восточноевропейских степях в эпоху бронзы. В один узел переплелись или связались две разные проблемы – вопрос о культурно-хозяйственном типе населения восточноевропейских степей в бронзовом веке и вопрос о возникновении кочевого скотоводства. Между тем оба вопроса можно рассматривать отдельно друг от друга, как две самостоятельные исследовательские проблемы, каждая из которых имеет свой круг источников и, безусловно, требует отдельного исследования.

Поэтому, как нам представляется, такую вполне конкретную научную проблему, как вопрос о типе хозяйства племен эпохи бронзы Приволжья как части степей от Карпат до Урала, лучше исследовать используя оба вида археологических источников – погребальные памятники и места проживания (поселения или стоянки) Причерноморья, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и Горного Алтая конца VI – III в. до н.э.

Предметом исследования в данной статье являются археологические памятники проживания – поселения эпохи бронзы в Волго-Манычских степях. Целью работы является характеристика поселений эпохи бронзы данного региона, определившая основную задачу статьи – выявить типичные и особенные черты поселений эпохи бронзы Волго-Манычских степей Приволжья. В исследовании важнейшей научной проблематики, связанной с изучением культуры населения бронзового века в приволжских степях, мы видим актуальность данной статьи. Развернутое изучение поселений эпохи бронзы в Волго-Манычских степях способствует формированию более или менее ясного представления о культурно-исторических процессах, протекавших в эпоху бронзы на данной территории, позволяет определить тип хозяйства в приволжских степях в рассматриваемый нами период.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В основу работы положен принцип историзма о закономерностях развития общества. Исследование построено на всестороннем изучении археологических памятников проживания – поселения эпохи бронзы в Волго-Манычских степях, обработка и анализ которых приводит к получению новых знаний и переосмыслению уже накопленного материала. Исследовательский анализ основывался на принципах историзма, взаимообусловленности, дедукции, индукции и научной объективности. В работе с материалом исследования нами применялись статистические и статистико-комбинаторные методы.

ОБСУЖДЕНИЕ

Памятники проживания-поселения, найденные в результате археологических раскопок в различных частях обширной российской территории, являются предметом постоянного исследовательского внимания. На первом этапе научных исследований, археологические материалы часто рассматривались единым массивом без учета хронологических, территориальных особенностей, специфики типа поселения, социальных характеристик и культурных традиций населения, проживавшего на конкретной территории, в определенное время и т.д. В археологической науке существовали различные, зачастую прямо противоположные мнения насчет наличия поселений в эпоху бронзы в степной части Европы. А. Наглер, придававший большое значение изучению поселений, полагал, что на основе их изучения можно получить представление обо всем обществе (Nagler, 1996: 66). Н. Я. Мерперт, а вслед за ним и профессор М.И. Артамонов считали, что в условиях сухих степей невозможен оседлый образ жизни, следовательно, в сальско-маньчских степях нет поселений бронзового века (Мерперт, 1974; Артамонов, 1977). С. Пустовалов причислял все поселения к летовкам и зимовкам и на основании своих выводов полагал, что население (вся или его часть) занималось стойловым содержанием скота, которое не имеет отношения к кочевому «престижному» экстенсивному скотоводству (Pustovalov, 1994: 126). В регионах Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и др. археологами выявлен мощный пласт катакомбных памятников, среди которых встречаются и поселения (Малов, Филипченко, 1995: 52–61; Юдин, Матюхин, Захариков, Касанкин, 1996: 119–140; Халяпин, 1998: 77–80; Галкин, Дремов, Железчиков, 1993: 56–87). Непосредственно на территории современной Калмыкии, в Волго-Маньчских степях, в разные годы исследователями П.С. Рыковым, И.В. Сеницыным, У.Э. Эрднеевым, Н.Д. Прасловым, Е.В. Шнайштейн, П.М. Кольцовым, Н.М. Маловым, Н.И. Шишлиной был обнаружен целый ряд стоянок и поселений эпохи бронзы. В.П. Шилов, имея в виду участок восточноевропейских степей, основную часть которого занимает современная Республика Калмыкия, констатировал отсутствие долговременных оседлых поселений. На основании своих выводов он категорично утверждал о полной невозможности ведения населением оседлого образа жизни в степи (Шилов, 1975: 8). Л.С. Клейн отрицал факт отсутствия в курганах Калмыкии срубных погребений, что свидетельствовало, по его мнению, о проживании в Волго-Маньчских степях оседлого населения в эпоху поздней бронзы (Клейн, 1980: 30-36). Целенаправленный поиск поселений эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Маньчских степях велся многими исследователями, в том числе и автором данного исследования (Очир-Горяева, Бросседер, 2008: 42–51).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Места проживания или стоянки на рассматриваемой нами территории исчисляются десятками, если не сотнями. Н. Я. Мерперт указывает на 130 и 50 пунктов; В. П. Шилов упоминает более 200 поселений. Ими были указаны только стоянки.

обнаруженные разведками В. Д. Белецкого в 1957 г. и А. Н. Мелентьева в 1967 г. в нижнем Заволжье, или на левом песчаном берегу Волги в самом ее нижнем течении. В более поздней публикации В. П. Шилов указывал уже на большее количество стоянок – «400 поселений эпохи неолита, энеолита, бронзы» (Шилов, 1981: 8). И это не считая десятков пунктов, перечисленных еще А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким, на которых производились работы разведочного характера членами Саратовской Архивной Комиссии. Эти авторы еще в 1935 г. писали: «Одним из колоссальных недостатков в деле изучения родового общества степной полосы нашего Союза является слабая изученность поселений того времени. Погребальный материал, как относящийся к явлениям надстроечного порядка, отражает действительность в искаженном виде, а поэтому для более точных знаний необходим материал селищ, к сожалению, мало нам известный, вернее – малоисследованный, т. к. вообще указаний на места поселений и подъемного материала с них имеется достаточное количество» (Круглов, Подгаецкий, 1935: 27). Данное замечание ученых, заметим, остается актуальным и сегодня.

Срубные погребения встречаются не только в прилегающих к Волге районах, но и далеко на юге Ергенинской возвышенности, например, в могильнике Хар Зуха (Очир-Горяева, 1991). В сводке погребений, раскопанных на территории Калмыкии с 1929 по 1979 гг., учтено 134 погребения срубной культуры (Щукин, 1985: 17, табл. 1). Срубные погребения встречаются и намного южнее: на Ставрополье и на Северном Кавказе (Державин, 1991; Nagler, 1996).

На территории Республики Калмыкия, на берегу озера Заханата, в 1976 г. было открыто поселение (Шнайштейн, 1976). Дополнительные исследования показали, что там находятся два поселения срубной культуры (Очир-Горяева, 2002). Поселение Заханата расположено на мысу полукруглой мягкой формы, выдающемся в сторону озера. Ориентиром для этого местонахождения служит большой курган с триангуляционным пунктом на вершине, расположенный в южной части мыса. С западной стороны этого кургана, буквально рядом с ним, располагались жилой дом и кошара чабана Мергена Андреева, арендующего земли совхоза «Аршанский» Сарпинского района. В 80 метрах на юго-восток от кургана, который является предпоследним курганом и находится несколько южнее большого кургана с плоской вершиной, в 16-17 метрах от среза береговой линии, вдоль дороги на кошару и на самой дороге найдены многочисленные фрагменты лепной керамики и отдельные мелкие раздробленные кости животных. Колея проселочной дороги заглублена сантиметров на 20 и ввиду этого обнажила скопление костей и керамики. На ненарушенных участках степи также имеются находки керамики. Отсутствие здесь круговой керамики и особенная многочисленность находок послужили причиной закладки здесь разведочного шурфа (Заханата – 1-2002).

Шурф 1 был разбит на небольшом склоне в 16, 2 м от обрыва к озеру, в 977 м на север от кургана с триангуляционным знаком, с западной стороны, у самого края дороги, ведущей от указанной выше кошары на север. Хотя наибольшее количество находок сделано на дороге, которая, заглубляясь в грунт, вероятно, выбивает на поверхность многочисленные фрагменты керамики и костей животных. Шурф был заложен на задернованном участке в надежде захватить ненарушенный культурный слой.

Шурф имел в длину 5 метров и в ширину 4 метра. Ориентирован длинными сторонами по линии север-юг. На поверхности шурфа подъемный материал не найден. Нивелировка поверхности произведена через каждый метр (рис.21). За нулевой пункт взят штырь на соседнем кургане.

Уровень 0. Дерновый слой снимался легко и был от 5 до 7 см толщиной. Сразу под дерновым слоем были встречены единичные находки – керамика и кости животных. Находки сделаны по всей поверхности шурфа. Керамика встречена двух сортов: чисто серая однородная, покрытая в большей степени солевыми отложениями, и черноглиняная керамика с красной поверхностью с небольшим «ангобом» или заглаженной поверхностью. Оба вида керамики имеют грубое тесто. Ниже гумуса шел слой солонца вертикальной комковатой структуры. Солонец имеет темнокрасный цвет и почти закаменевшую плотность. Находки продолжали встречаться в слое солонца. Однако работа продвигалась с большим трудом в связи с окаменелостью почвы и тем, что она отваливалась грубыми, призматической формы кусками, не давая возможности более тонких срезов. Находки многочисленны. Особенно много фрагментов было найдено в 8, 18 и 9 квадратах, от 10 до 17 фрагментов. Не было находок в первом квадрате (приложение 3, по коллекционной описи можно проследить статистику). Кости животных более многочисленны в юго-восточных квадратах. После снятия слоя солонца была предпринята попытка спланировать поверхность. Сделать это было чрезвычайно трудно ввиду той же окаменелости почвы. Работа мастерками была невозможна. Пришлось зачищать лопатами. В полу раскопа в квадрате 19 и 24, то есть в самом юго-восточном углу шурфа, было извлечено значительное количество костей животных (рис. 22).

Уровень 1. В восточном профиле были замечены кости животных и керамика (рис. 31-32). Поэтому было принято решение сделать прирезку еще на один метр на восток. Сразу после снятия гумуса на всей площади прирезки был зачищен развал костей и фрагментов керамики (рис. 25-27). Среди них найдены камень-песчаник овальной формы (рис.1, 6, 25), фрагменты керамики без орнамента. Один только фрагмент имеет горизонтальные следы заглаживания, довольно регулярные (рис. 1, 8; 26). Керамика исключительно лепная. В квадрате 20 найден фрагмент венчика баночного сосуда с веревочным орнаментом (рис.1, 2). В квадрате 6 найден фрагмент керамики с прочерченным линейным орнаментом. Кости животных представлены во фрагментах. Видовому определению поддались только некоторые из них. Из десятого квадрата происходят два фрагмента лопатки лошади, одна – пальцевая фаланга крупного рогатого скота и вторая – фрагмент лопатки крупного животного. В двенадцатом квадрате найдена пяточная кость мелкого рогатого скота. Из костей, найденных при зачистке уровня 1, в квадрате 19 и 24 – фрагмент плечевой кости лошади. На восточном краю седьмого квадрата на уровне 1 зафиксировано темное пятно в виде вытянутого овала размером 27 см x 20 см, глубиной до 10 см. На южном краю второго квадрата зафиксировано еще одно маленькое пятно каплевидной формы. Заполнение тоже темного цвета – органического или растительного происхождения. Зачищенная поверхность шурфа содержит еще остатки солонца. В районе квадратов 14 и 19 прослеживается нечетких очертаний овальное пятно более темного цвета, размером 180 см x 60см (рис. 29).

Уровень 2. После снятия находок шурф был углублен еще на полштыка, примерно на 30 см. Земля на этом уровне стала гораздо мягче и несколько влажнее. Находки представлены в основном костями животных. Керамика встречалась только по два-три фрагмента на квадрат. Только в квадратах 14, 19, 20, 24, 25, то есть опять-таки в юго-восточном углу шурфа, керамика была по-прежнему многочисленной. Определимые фрагменты костей животных из девятого квадрата принадлежали лошади (фрагменты зуба) и свинье (одна целая фаланга пальца). Фрагменты костей из девятнадцатого квадрата – крупному и мелкому рогатому скоту. Фрагменты костей из двадцать четвертого квадрата принадлежали лошади. Найдено также два куска кремня – кремневое кресало неправильной формы (квадрат 13), (рис.1, 4, 5). В квадрате 9 найдено костяное изделие, изготовленное из стенки трубчатой кости в виде плоской полулунницы с заостренными концами. Возможно это проколка (рис.1,1).

После снятия всех находок площадь шурфа была спланирована и зарисована. На поверхности шурфа, по направлению с юго-восточного угла на северо-запад и оттуда на северо-восток, зафиксирован целый ряд темных пятен небольшого размера. Все они были глубиной не более 10 см. Пятно в районе квадратов 14 и 19 прослеживается по-прежнему. Земля в квадрате 5 также отличается от окружения несколько более красноватым оттенком. Шурф был углублен еще на полштыка. Находки стали редкими. Только в квадратах 20 и 22 найдены фрагменты керамики. В остальных квадратах только кости животных, среди них фрагменты зубов лошади. Поверхность шурфа была снова спланирована. Все пятна исчезли. Поверхность ровная. Шурф был прокопан еще на штык для контроля. Находок не обнаружено.

Описание восточного профиля до прирезки (рис. 33). Верхний слой составляет равномерный слой от 10-15 см, слой современного гумуса. В этом месте он намного превышает обычную мощность гумуса в степи, так как край шурфа приходится на борт проселочной дороги. Нижний подстилающий слой – слой засоленной белой глины. Над ним залегает мощный равномерный слой коричневой материковой глины. Над слоем глины лежит также регулярный слой солонца призматической структуры. Однако именно в этом профиле слой солонца имеет несколько иной, более светлый оттенок, чем солонец в других профилях. Обычно солонец имеет красно-коричневый цвет и выраженную призматическую структуру, так называемый слой промерзания. Объяснить это явление можно причинами перерывности или более молодым возрастом образования солонца. Именно в этом слое отмечены и находки – кости животных, фрагменты керамики и сусловина. Слой мягкого солонца залегает на отметках от 90 до 115 см глубины. Слой этот проходит через весь профиль, несколько утоньшаясь к северу. Кости животных зафиксированы в пятом, в десятом и в двадцатом квадратах. Фрагменты керамики в двадцать пятом квадрате (рис.).

Описание восточного профиля после прирезки (рис. 33). Слоя современного гумуса практически нет, так как край шурфа в этом месте приходится на колею проселочной дороги. Первым фиксируется слой красно-коричневого солонца каменисто-жесткой структуры мощностью до 20-30 см. Подстилает его ненарушенный слой материковой коричневой глины. В двадцатом квадрате, в верхней части солонца, в профиле фиксируются кости животных. В двадцать пятом квадрате также в верхней части солонца – фрагменты керамики.

Описание западного профиля (рис. 23, 30). Слой современного гумуса носит регулярный и равномерный характер. Его подстилает такой же равномерный слой солонца, мощностью 30-40 см, под которым располагается слой желтой материковой глины. Слой засоленной белесой глины находится глубже, обнаружен в южной стороне шурфа. В 21 квадрате под слоем солонца виден в профиле фрагмент кости животного (рис.).

Описание северного профиля (рис. 30). Гумусный слой в северном профиле несколько уже, чем в южном профиле. Объясняется это, вероятно, тем, что шурф расположен на склоне небольшого возвышения, и его поверхность имеет скат как с запада на восток, так и с севера на юг. На более возвышенном участке гумус тоньше, чем на пониженном. Гумус подстилает регулярный слой солонца. В районе пятого квадрата гумус и слой солонца полностью отсутствуют. В этом месте проходит колея проселочной дороги, ведущей от кошары в сторону с. Терячи, вдоль береговой линии озера. В западной части профиля под слоем желтой глины обнаружен слой просоленной белесой глины (рис.).

Описание южного профиля (рис. 30). Гумус также хорошо выражен и в западном профиле. Подстилающий слой солонца насыщен находками – керамикой и костями. Как уже отмечалось, при описании шурфа находок больше в восточной стороне. В 23 квадрате в профиле зафиксированы фрагменты костей. На границе между 23 и 24 квадратом в профиле виден фрагмент керамики. В 25 квадрате имеется скопление костей животных. Здесь наблюдается и самое глубокое залегание находок – до 35 см. В подстилающей солонец материковой желтой глине находок нет. В западной, более возвышенной части профиля, обнаружены волнообразные пласты засоленной глины (рис.). Для образца из шурфа «А» поселения Заханата была получена радиоуглеродная дата по кости овцы (Приложение 1).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в Волго-Манычских степях найден целый ряд памятников проживания эпохи бронзы. На территории Калмыкии срубные памятники представлены типичными для остального ареала распространения культуры курганными погребениями и поселениями. Однако более значительного количества находок, дающих основание говорить о следах «селища» или поселения, как упомянутые выше следы проживания, датирующиеся эпохой бронзы для более поздних эпох и, прежде всего, раннего железного века, пока не зафиксировано.

Изучение поселений различных эпох в последнее время выделилось в отдельное научное направление, которое достаточно успешно развивается, о чем свидетельствуют материалы, полученные в результате недавних археологических раскопок городских и сельских поселений предшествующих эпох. В этих исследованиях рассматриваются географические, экономические, политические и иные факторы и условия, повлиявшие на возникновение и развитие исторических поселений, что говорит о том, что их изучение приняло более комплексный характер. Ученые-археологи применяют самую различную стратегию для обнаружения остатков культурных слоев мест проживания, в частности, в сухостепной и пустынно-степной зоне.

И первостепенная задача, которая стоит перед археологической наукой, не только найти и описать памятники глубокой старины, но на основе глубокого и всестороннего исследования определить их роль и значение в культурно-исторических процессах, протекавших в обществе в различные эпохи, в том числе в эпоху бронзы.

ПРИМЕЧАНИЯ

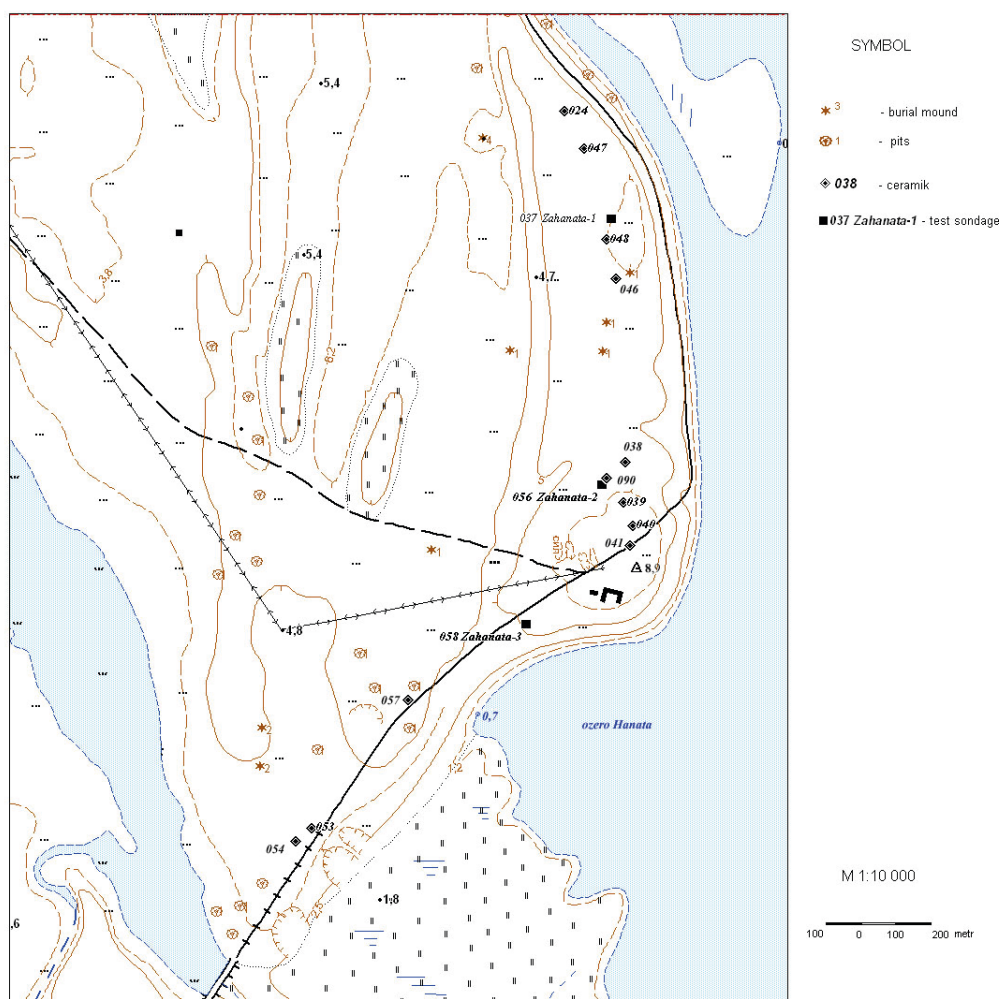

Abbildung 14. Карта. Заханата. Заханата-1-2002. Шурф А.
План нивелировки

Abbildung 15. Заханата – 1. Шурф А. План нивелировки поверхности

-68	-78	-70	-82	-90 -97
Квадрат	Квадрат	Квадрат	Квадрат	Квадрат
1	2	3	4	5
-67	-72	-77	-79	-82 -97
Квадрат	Квадрат	Квадрат	Квадрат	Квадрат
6	7	8	9	10

-68 Квадрат 11	-72 Квадрат 12	-76 Квадрат 13	-80 Квадрат 14	-82 -97 Квадрат 15
-66 Квадрат 16	-71 Квадрат 17	-70 Квадрат 18	-80 Квадрат 19	-80 -97 Квадрат 20
-63 Квадрат 21	-64 Квадрат 22	-75 Квадрат 23	-80 Квадрат 24	-85 -93 Квадрат 25
-60	-63	-68	-82	-84 -83

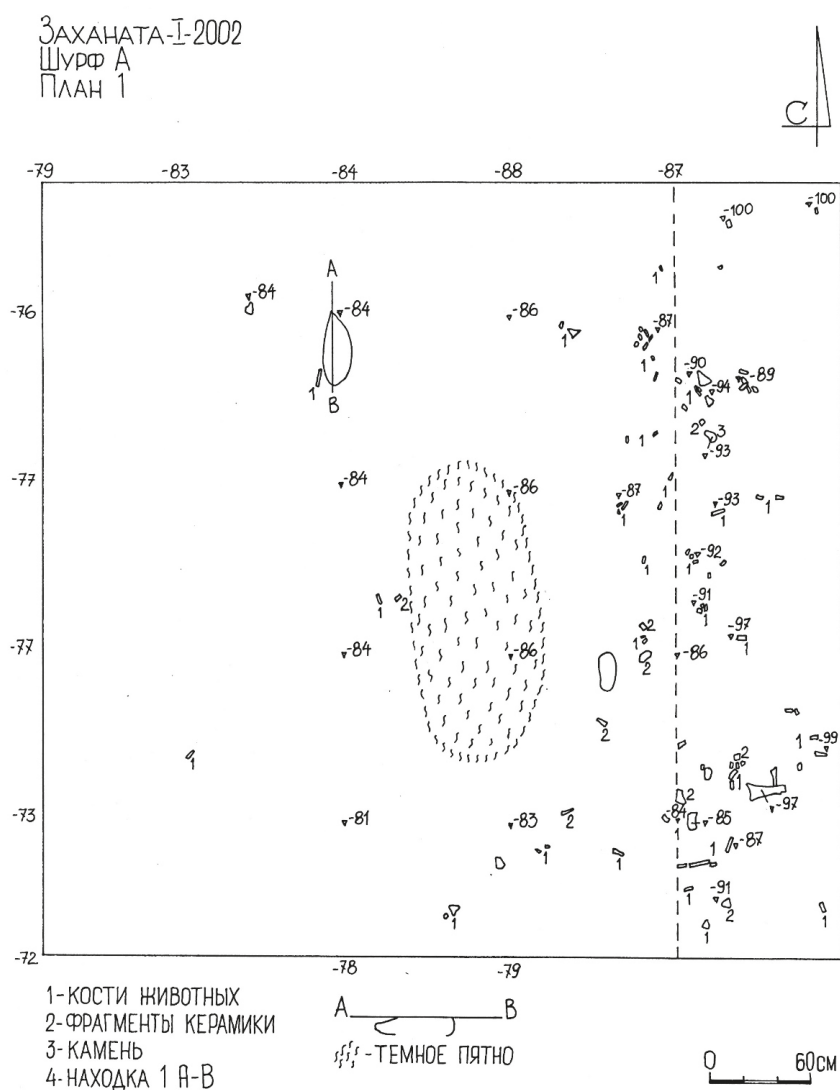

Abbildung 18. Заханата-1. Шурф А. План 1

ЗАХАНАТА-1-2002
Шурф А
План 2

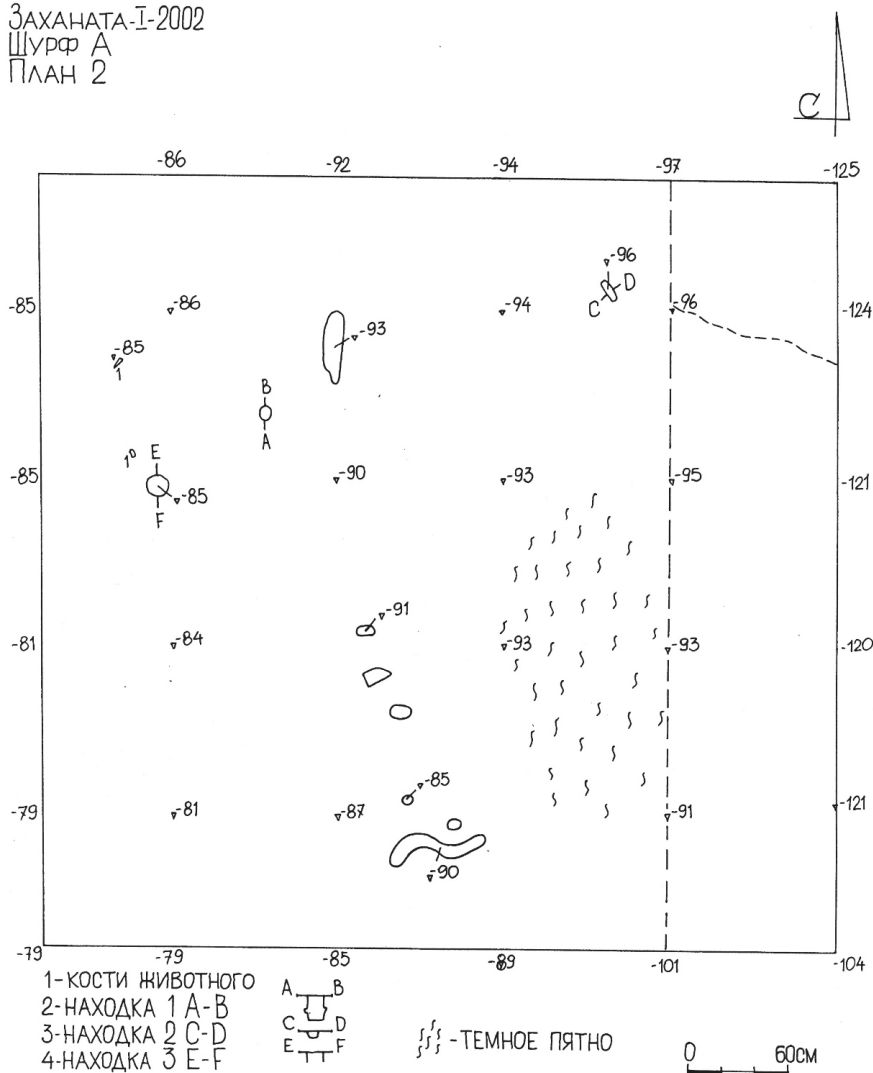

Abbildung 23. Заханата-1. Шурф А. План 2

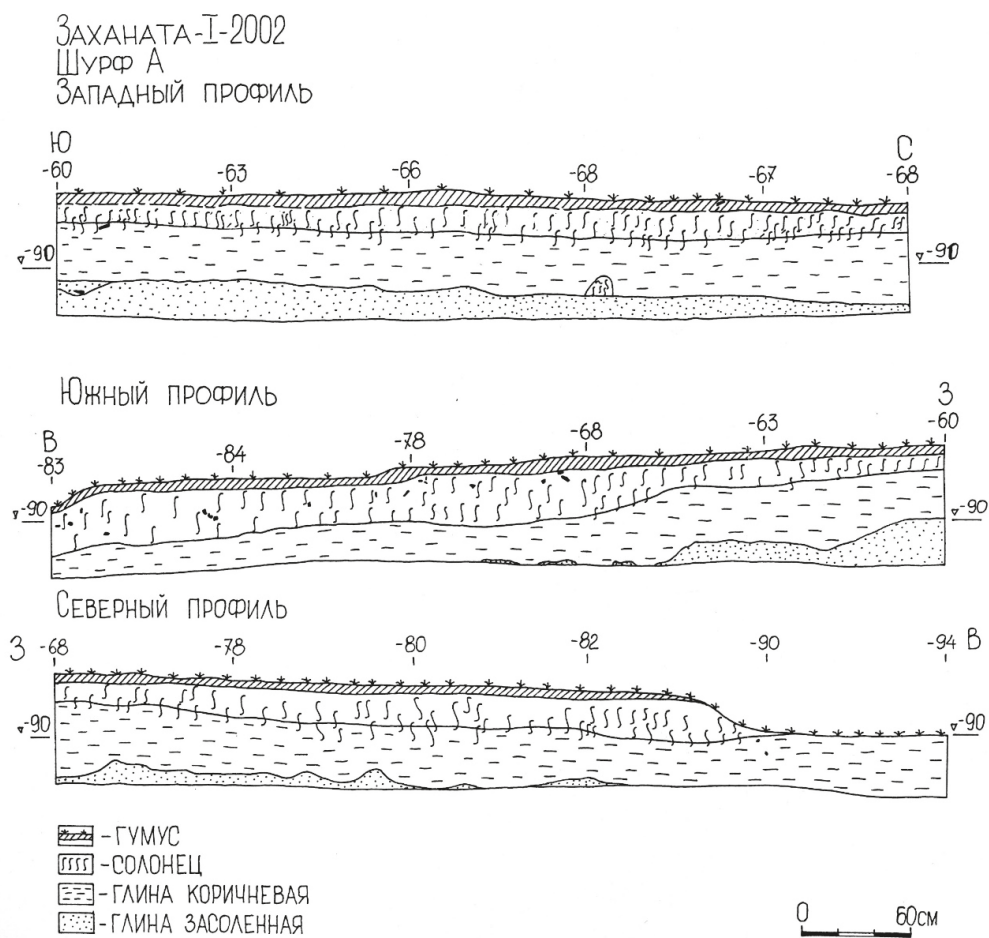
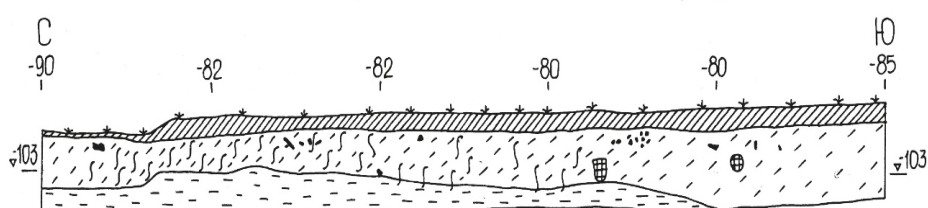
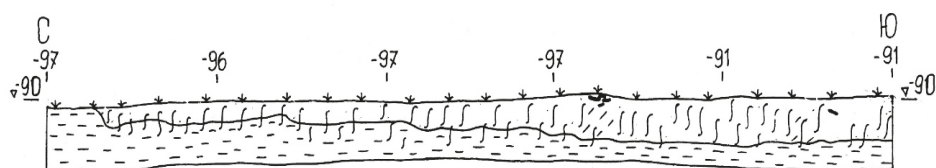

Abbildung 24. Заханата-1. Шурф А. Профили – западный, южный, северный

Заханата-І-2002
Шурф А
Восточный профиль до прирезки

Восточный профиль после прирезки

- ГУМУС
- СВЕТАЯ ГЛИНА
- СОЛОНЕЦ
- ГЛИНА КОРИЧНЕВАЯ
- СУСЛОВИНЫ

0 60 см

Abbildung 27. Заханата-1. Шурф А. Восточный профиль

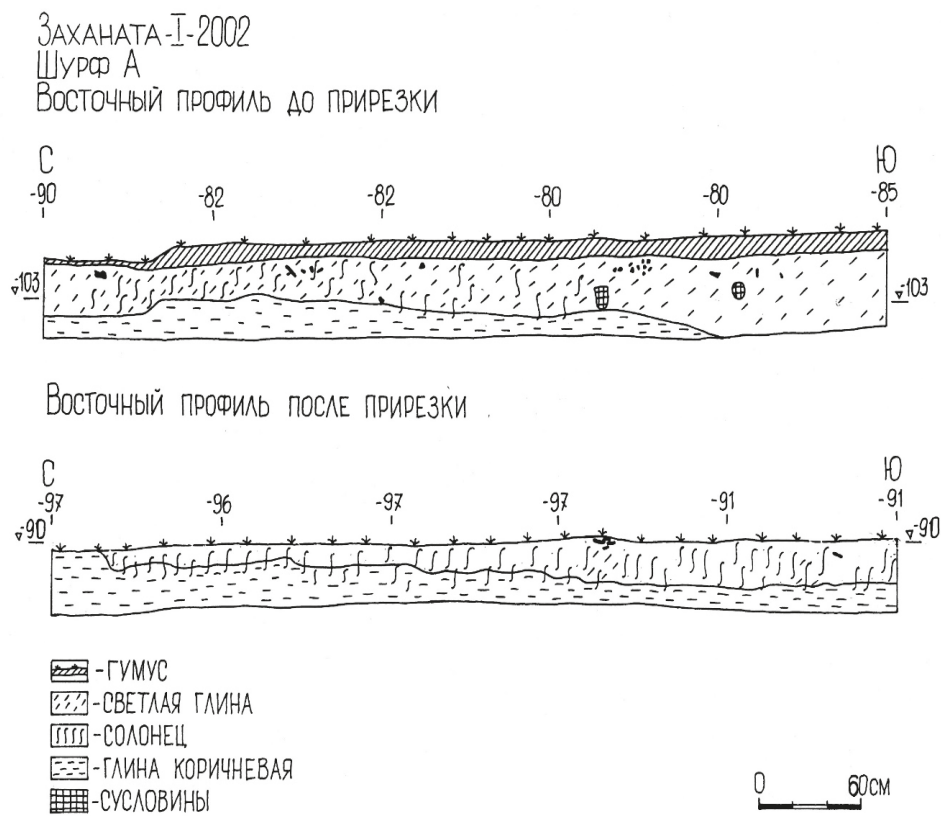

Abbildung 27. Заханата-1. Шурф А. Восточный профиль

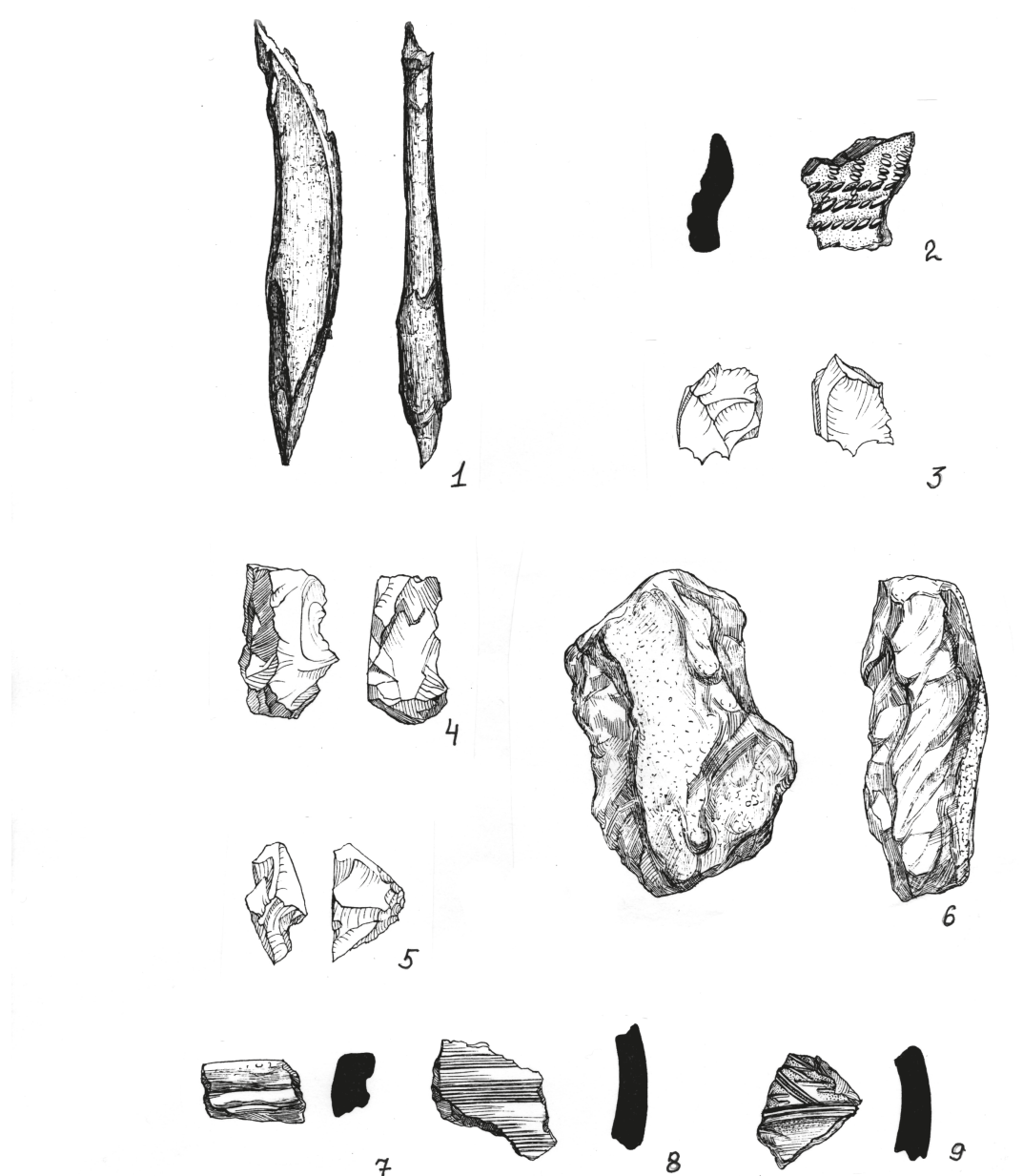

Abbildung 1 1- проколка костяная Заханата-1-2002. шурф А.9/2; 2 – фрагмент керамики Заханата-1-2002.шурф А 20/1; 3 – кремь. Заханата-1-2002.шурф А. 6/2; 4, 5 – кремь. Заханата-1-2002.шурф А. 13/2; 6 – камень-песчаник Заханата-1-2002.шурф А. 10/0; 7 – фрагмент керамики из отвала. Заханата-1-2002.шурф А. ; 8 – фрагмент керамики Заханата-1-2002.шурф А. 20/0 ; 9 – фрагмент керамики Заханата-1-2002.шурф А . 6/1

Abbildung 94. Заханата-1. Шурф А. Квадрат 9/2. Изделие из кости

**Abbildung 95. Заханата-2002. Шурф А. Квадрат 6/1.
Фрагмент керамики с геометрическим орнаментом**

**Abbildung 97. Заханата-1-2002. Шурф А. Квадрат 20/1.
Фрагмент керамики с веревочным орнаментом**

**Abbildung 98. Заханата-1-2002. Шурф А. Квадрат 10/0.
Изделие из камня песчаника**

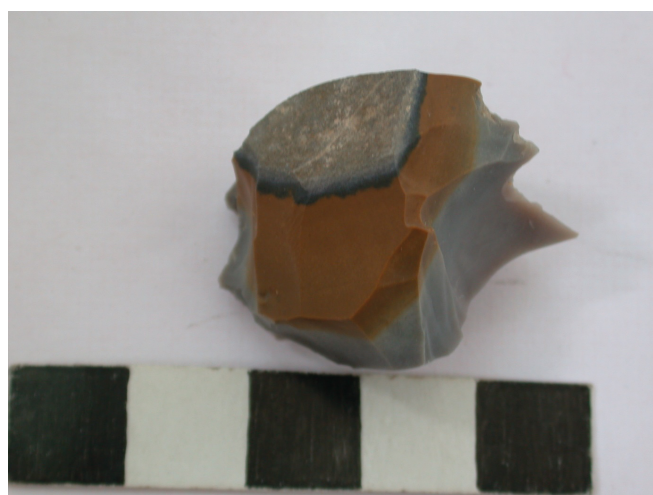

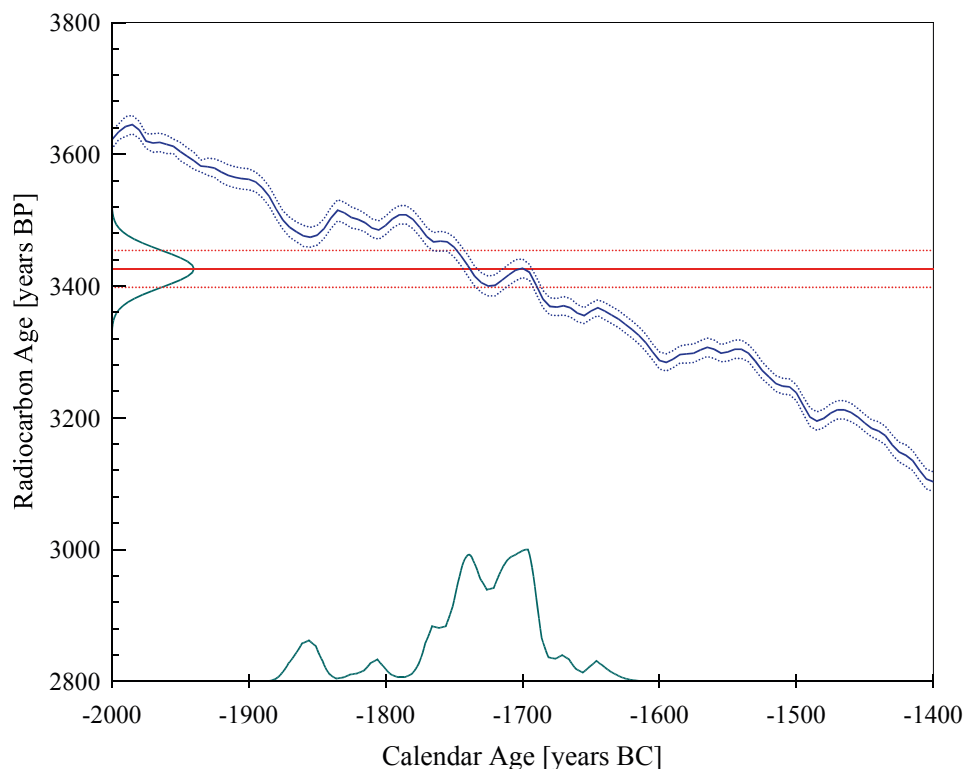
Abbildung 99. Заханата-2002. Шурф А. Квадрат 6/2. Кресало кремневое

KIA45811 Zahanata I 2002; Schnitt A 14/0

Knochen, Russland, Republic Kalmykien, Zahanata, Entnahmetiefe: 0,12–0,18 m.

Fraktion	PMC (korrigiert) [†]	Radiokarbonalter	□ ¹³ C(‰) [‡]
Knochen, Kollagen, 3,0 mg C	65,28 ± 0,23	3425 ± 30 BP	-19,69 ± 0,17

Radiocarbon Age:	BP	3426 ± 28
One Sigma Range:	cal BC 1756–1687	(Probability 68,3 %)
Two Sigma Range:	cal BC 1874–1843	(Probability 7,7 %)
(Probability 95,4 %)	1816–1799	(Probability 2,9 %)
	1779–1659	(Probability 82,9 %)
	1654–1637	(Probability 1,9 %)

Литература

- Галкин, Л. Л., Дремов, И. И., Железчиков, Б. Ф. (1993). Памятники срубной культуры: Волго-Уральское междуречье. *Археология России: Свод археологических источников*. Т. 1. Саратов: Издательство Саратовского университета.
- Державин, В. Л. (1991). *Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы*. М.: ИА.
- Клейн, Л.С. (1980). *Возникновение кочевого скотоводства. Скифо-сибирское культурно-историческое единство*. Кемерово: КемГУ.
- Круглов, Е. П., Подгаецкий, Г. В. (1935). *Родовое общество степей Восточной Европы. Основные формы материального производства*. М., Л.: ОГИЗ.
- Малов, Н.М., Филипченко, В.Р. (1995). Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья. *Археологический вестник*. Вып. 4. Саратов: Издательство Саратовского университета.
- Очир-Горяева, М.А., Бросседер, У. (2008). Поселения в степи. Проблемы изучения и интерпретации. *Вестник Прикаспия: археология, история, этнология*. Вып. 1. Элиста: Изд-во Калмыцкого университета.
- Очир-Горяева, М. А. (1991). *Отчет о раскопках могильника Хар-Зуха в Ики-Бурульском районе в 1991 г.* Научный архив КИГИ РАН. Фонд 14. Описание 2. Номер 68.
- Очир-Горяева, М. А. (2002). *Отчет об археологических исследованиях на территории Республики Калмыкия в 2002 году*. Научный архив КИГИ РАН. Фонд 14. Описание 2. Дело 89.
- Халяпин, М.Б. (1998). Памятники эпохи средней бронзы Южного Приуралья (по материалам Оренбуржья). *Проблемы археологии юго-восточной Европы*. VII Донская конференция. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета.

Цуцкин, Е. В. (1985). Археологические исследования Калмыкии. *Древности Калмыкии*. Элиста: Калм. НИИИФЭ.

Шилов, В. П. (1981). Проблемы происхождения кочевого скотоводства в Восточной Европе. *Древности Калмыкии*. Элиста: Калмыцкий НИИИФЭ.

Шнайдштейн, Е. В. (1977). Раскопки курганов в Калмыцкой АССР. *Археологические открытия 1976 года*. М.: Наука.

Юдин, А.И., Матюхин, А.Д., Захариков, А.П., Касанкин, Г.И. (1996). Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья. *Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году*. Выпуск 1. Саратов: Дирекция охраны памятников истории и археологии.

Nagler, A. (1996). Kurgane der Mozdok-Steppe in Nordkaukasien. *Archäologie in Eurasien*. Band 3.

Pustovalov, S. (1994). Economy and Social Organisation of Northern Pontic Steppe -Forest- Steppe pastoral populations. 2750-2000 BC. *Nomadism and pastoralism in the circle of Baltic-Pontic early agrarian cultures: 5000-1650 BC*.

References

Galkin, L. L., Dremov, I. I., Zhelezchikov, B. F. (1993). Monuments of the carcass culture: Volga-Ural interfluvium / *Archeology of Russia: Code of archaeological sources*. T. 1. Saratov: Publishing house of the Saratov University (in Russian).

Derzhavin, V. (1991). *Stepnoe Stavropol Territory in the Early and Middle Bronze Age*. M.: IA (in Russian).

Klein, L.S. (1980). The emergence of nomadic cattle breeding. *Scythian-Siberian cultural and historical unity*. Kemerovo: KemGU (in Russian).

Kruglov, E.P., Podgaetsky, G.V. (1935). Generic society of the steppes of Eastern Europe. *The main forms of material production*. M., L.: OGIZ (in Russian).

Malov, N.M., Filipchenko, V.R. (1995). Monuments of the catacomb culture of the Lower Volga. *Archaeological Bulletin*. Vol. 4. Saratov: Saratov University Press (in Russian).

Ochir-Goryaeva, M.A., Brossedder U. (2008). Settlements in the steppe. Problems of study and interpretation. *Bulletin of the Caspian region: archeology, history, ethnology*. Issue 1. Elista: Publishing house of the Kalmyk University (in Russian).

Ochir-Goryaeva, M. A. (1991). *Report on the excavation of the Har-Zuh burial ground in Iki-Burulsky district in 1991*. Scientific archive of the KIGI RAS. Fund 14. Inventory 2. Number 68.

Ochir-Goryaeva, M. A. (2002). *Report on archaeological research in the Republic of Kalmykia in 2002*. Scientific archive of the KIGI RAS. Fund 14. Inventory 2. Number 89.

Chaliapin, M. (1998). Monuments of the Middle Bronze Age of the Southern Urals (based on materials from the Orenburg region). *Problems of Archeology of Southeastern Europe*. VII Don Conference. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press (in Russian).

Tsutskin, E.V. (1985). Archaeological research of Kalmykia. *Antiquities of Kalmykia*. Elista: Kalm. NIIFE (in Russian).

Shilov, V.P. (1981). Problems of the origin of nomadic cattle breeding in Eastern Europe. *Antiquities of Kalmykia*. Elista: Kalm. NIIFE (in Russian).

Schneidstein, E. V. (1977). Excavations of the mounds in the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic. *Archaeological Discoveries 1976*. M.: Nauka (in Russian).

Yudin, A.I., Matyukhin, A.D., Zakharikov, A.P., Kasankin, G.I. (1996). Early-log mound burial grounds Zolotaya Gora and Kochetnoye and problems of the formation of a logging culture of the Lower Volga. *Protection and research of archeological monuments of the Saratov region in 1995*. Saratov: Directorate for the Protection of Historical and Archaeological Monuments (in Russian).

Nagler, A. (1996). Kurgane der Mozdok-Steppe in Nordkaukasien. *Archäologie in Eurasien*. Band 3.

Pustovalov, S. (1994). Economy and Social Organisation of Northern Pontic Steppe -Forest- Steppe pastoral populations. 2750-2000 BC. *Nomadism and pastoralism in the circle of Baltic-Pontic early agrarian cultures: 5000-1650 BC*. Poznan, 1994, 86-134.